Flekser, Akim L'vovich

Pol'skie politicheskie partii...

943.803
F569P

WILLIAM R. PERKINS
LIBRARY

DUKE UNIVERSITY

Wolinski, A

А. ВОЛИНСКИЙ.

Flekser, Akim L'vovich, 1863-1926.

Polskie politicheskie partii

ПОЛЬСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

И ОБРАЗОВАНИЕ ПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА.

(Лекция от 13 мая 1920 года).

LIBRARY

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
Москва. 1920.

Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/polskiepolitiche01voly

943.803
F569P

JN 6769
A5A1W8

15202

Вторая Государственная типография, Трехпрудный, 9.

943.803
F 569

Товарищи! Т. Мархлевский на предыдущей лекции уже ознакомил вас с историей польского народа в течение последнего столетия с четверть ко и довел эту историю до мировой войны. Теперь необходимо в кратких словах ознакомить вас с политическим строением польского общества, с основными политическими партиями под тем углом зрения, каково их отношение к России, какова их национальная программа, как эта программа развивалась в течение войны, — и тогда вам легко будет уяснить себе, в каких условиях возникло теперешнее польское государство и как сложились его отношения к русской революции и Советской России.

БУРЖУАЗНЫЕ ПАРТИИ ПОЛЬШИ.

Основным фактором, который лег в основу всего социального и политического развития польского общества после поражения последнего польского национального восстания, о котором рассказывал вам тов. Мархлевский, явилось быстрое развитие польского торгового и промышленного капитализма. Польский капитализм развивался в теснейшей связи с русским рынком, а до известной степени и с русским сырьем, процветая и разрастаясь как составная часть общерусского капитализма. Под давлением своих основных экономических потребностей польская буржуазия, которая в течение последних десятков лет все определеннее выдвигалась вперед, как руководящая сила общества, ведущая за собою другие классы, постепенно ликвидировала свой прежний национальный идеал независимости, за осуществление которого боролись и проливали кровь целые поколения польских имущих классов в целом ряде революционных восстаний, создавших в свое время польской шляхте и польской буржуазии в глазах европейских демократических и даже социалистических кругов репутацию единственной революционной буржуазии в современной Европе. К действию экономического фактора присоединилось действие и социального фактора. С конца 40 и 50 годов окончательно завершается в Европе эпоха национальных войн буржуазии, точнее говоря, эпоха революционной борьбы буржуазии за национальное объединение и национальную независимость. У нас нет возможности остановиться

здесь подробнее на причинах завершения этого исторического процесса, но как на одну из основных причин мы можем указать на кристаллизацию современного могущественного фабрично-городского пролетариата. С его развитием всякое революционное движение стало опасным для буржуазии, поскольку оно, независимо от своего характера, неизбежно должно было в результате обнажить и обострить антагонизм к новому классу современного общества. Этот антагонизм к пролетариату явился спайкой, сплочивающей буржуазию с пережитками и силами прошлого. Сознание, что царизм при всей своей угнетательской, руссофильской политике сумел построить великолепнейший аппарат защиты буржуазии от натиска эксплоатируемых масс, и явилось тем фактором, который в значительной мере примирил польскую буржуазию и польский помещичий класс с фактом отсутствия собственного национального государства и собственного бюрократического аппарата. Из рядов польских имущих классов и должны были родиться те партии, которые выражали эту тенденцию единства с царскою Россией, сочетаемую со стремлением и надеждой постепенно приноровить ее мирным путем к основным классовым потребностям имущих классов основной области бывшей Речи Посполитой. Раньше всего усвоила эту политику партия крупных аграриев, партия магнатов, которая всегда и везде в современной Европе стремится к близости к двору той страны, под государственным кровом которой ей приходится жить. Это была партия так называемых «угодовцев» или реалистов. Рядом с ней развилась гораздо более могущественная партия, партия национал-демократов, которая в особенности в эпоху первой русской революции 1905 года кристаллизовалась как основная, руководящая партия польского помещичьего класса, капиталистической буржуазии, разочарованного революцией и утомленного ею мелкого мещанства и, наконец, значительных слоев зажиточного крестьянства. Вам, русским, это должно показаться все диковинным, что партия капиталистов и помещиков могла сгруппировать около себя и значительную часть крестьянской массы. Но вы должны помнить, что польские аграрные отношения во многом основном не похожи на русские. Тогда как в России до февральской и октябрьской революции сохранилось еще много пережитков феодально-крепостнических отношений, уклад польских аграрных отношений гораздо ближе подходит к типу западно-европейской и средне-европейской зрелых буржуазных отношений. Так как главным носителем польского национального движения в 30-х и 60-х годах минувшего столетия была шляхта, то царское правительство увидело себя принужденным ради уси-

ления в национальном отношении довольно равнодушного крестьянства провести более смело и последовательно, чем в коренной России, процесс раскрепощения крестьян. Значительная часть польского крестьянства, не обреченная политикой правительства на неизбежное обнищание, как великорусское крестьянство, успела в течение последних нескольких десятков лет путем обыкновенной купли-продажи приобрести внушительную часть помещичьих имений и образовать таким образом целый класс сравнительно обеспеченных крестьян, класс, который в России пытался создать Столыпин путем коренной ломки, путем, так сказать, революции сверху. Эта часть польского крестьянства, настроенная весьма консервативно, научилась ценить буржуазный «порядок» и остается под сильным воздействием католической церкви, могущество которой во всех католических странах и в частности в Польше значительно выше могущества православной церкви в России. В рядах этого крестьянства национал-демократическая партия нашла себе не мало сторонников и поныне пользуется в этих слоях еще некоторым, хотя и значительно сократившимся влиянием. Основною базой национал-демократии составляла и поныне составляет русская Польша. Но и в Галиции, т.-е. австрийской, Польше к ней примкнули некоторые слои городского мещанства и крупно-помещичьего класса. В восточной русинской части Галиции в направлении сближения с национал-демократией действовал антагонизм к русинам; часть галицийского чиновничества и галицийской мелкой буржуазии должна была также тяготеть к России и к русской Польше, которая несмотря на национальный гнет и отсутствие собственного бюрократического аппарата успела благодаря развитию промышленности довести свое благосостояние до гораздо более высокой степени, чем нищая и эксплоатируемая Австрией в экономическом отношении Галиция. Наконец, и в Прусской Польше, в Познани в последние годы до войны довольно сильно развилось и ярко определилось руссофильское течение. Немалую роль в образовании этой тенденции сыграла угнетательская политика немецкого правительства, политика преследования, насильственного онемечивания этой части Польши, политика, приобревшая название политики «экстерминации», т.-е. истребления, уничтожения польского элемента. Следует заметить, что эта политика по отношению к полякам имела в Пруссии-Германии гораздо более глубокие корни, чем в России. В России политика национального гнета была прежде всего связана с паразитными тенденциями отсталого абсолютистского, феодально-бюрократического режима. Если бы Россия имела возможность и время превратиться в нормальную конститу-

ционно-буржуазную страну, то она могла бы легко примириться с предоставлением полякам некоторых основных форм свободного национального развития в рамках общей государственности. Иначе дело обстояло с Пруссией и Германией. Вы разрешите остановиться на этом вопросе несколько подробнее, так как более детальное знакомство с этим вопросом облегчит нам и в дальнейшем уяснить себе развитие событий и политических стремлений буржуазной Польши в эпоху мировой войны и по настоящий момент. Товарищи, при самом беглом взоре на географическую карту, представляющую западные рубежи бывшей русской империи, вы убедитесь, что русская Польша врезывалась большим полуостровом в территорию бывшей германской империи. Территория русской Польши отдаляет и удаляет друг от друга одну из основных индустриальных областей бывшей германской империи, Силезию на юге и на севере восточную Пруссию, являющуюся колыбелью Прусского государства. Уже русская часть Польши проникает достаточно глубоко к центру Германии, но если к этому полуострову вы прибавите в виде большого клина Познанскую Польшу, то крайняя оконечность этого клина подойдет к берегам Одера, стало быть на расстоянии не больше 100 с чем-то километров от военного государственного и административного центра всей страны, Берлина. В этом последнем случае западная и восточная Пруссия окажется совершенно оторванной в географическом смысле от огибающей русскую Польшу с юго-запада верхней Силезии. В военном отношении такое положение в высшей степени неудобно и опасно для Германии, поскольку она оставалась бы современного типа буржуазно-милитаристской державой. Но это положение стало особенно грозным с того момента, когда разгром Франции в 70-м и 71-м году и отторжение от нее Эльзаса и Лотарингии предопределило сближение Франции с Россией и таким образом создало перспективу для Германии войны, одновременной войны на два фронта: на западе и на востоке. Разгром Франции и впоследствии военный союз, заключенный Французской республикой с царской Россией, и вызвал усиление антипольской политики Германии, не прекращавшейся, если не говорить о несущественных колебаниях в эпоху канцлерства Каприви и мелких уступочках во время войны, до самого момента взрыва германской революции. Большинству моих слушателей в качестве военных будет легко уяснить себе определенное неудобство прежней границы германской империи, как границы изогнутой, длинной и лишенной всяких естественных средств защиты, если не говорить о Мазурских болотах. Для каждого немецкого буржуазного политика

для всякого немецкого стратега не могло не быть ясным, что образование какого бы то ни было самостоятельного Польского государства вызовет неизбежно тяготение к нему со стороны прусских поляков и таким образом поставит в крайне критическое положение в политическом и военном отношении все германское государство. Версальский мир лучше всего показал, поскольку опасения милитаристской и империалистской Германии были обоснованы. Мы видим, что осуществление польской национальной идеи в Версальском договоре привело к тому, что восточная Пруссия оказалась отрезанной польской зоной от прочей немецкой территории, очутившись таким образом в воздухе, став чем-то в роде колонии немецкого государства. Границы враждебного Германии польского государства подходят ныне весьма близко к самому центру Германии, делая ее положение в случае необходимости защиты крайне опасным. Таким образом для нас должно быть ясным, что пока и поскольку Германия представляла из себя воинственную милитаристскую державу, до тех пор она фатально должна была стремиться к ослаблению, если не уничтожению Польского элемента в своей собственной стране и к закреплению политики раздела Польши, недопущению восстановления ее, как самостоятельного государства. Никакие мелкие колебания этой политики не способны были видоизменить ее основной тенденции на пространстве более, чем столетия. Характерно для проницательности Маркса, что в начале 60 х годов, в момент, когда немецкие либералы бессильно протестовали против миссии генерала Альвенслебена, который в Петербурге должен был сговориться относительно общих мер подавления польского восстания, Маркс в одном из писем Энгельсу определенно констатировал, что Бисмарк, конечно, гораздо вернее выражает природные, неизбежные тенденции Прусского государства, поскольку это государство остается буржуазно-милитаристским, нежели благодушные либералы с их бессильными протестами.

И хотя в силу общих причин польские имущие классы успели и в Германии в достаточной мере примириться с существованием в пределах враждебного им национального государства, все же, в особенности последние годы до войны, эпоха, когда все яснее становилось, что период мирного развития Европы приближается к концу, должна была вызвать центробежные тенденции в более подвижной части польского имущего общества в Пруссии: в городской интеллигенции и мелком купечестве, у средней руки помещиков, крестьян и национально-настроенных рабочих. Эти группы явились и в прусской Польше базой растущих влияний

национал-демократов, которые таким образом стали единственной в Польше партией, организационно-объединяющей все области Польши и выражающей везде ту же тенденцию, тенденцию сближения и союза с Россией, как с лучшим рынком польского капитализма и той страной, которая одна в союзе с империалистскими державами Запада могла подавать надежду на объединение польских земель в войне с „главным врагом Польши"—Германией.

Политика национал-демократов, рассчитанная на единство с Россией и сближение с умеренно-либеральными социально-консервативными группами русского общества, нашла себе выражение в политике польского „К о л о" во всех очередных государственных думах. Социальная природа национал-демократов приближала их в Думе даже не к кадетам, а к октябристам и еще более правым группам, несмотря на весь ограниченный, тупой национализм этих групп, проявляемые ими в польском вопросе. Национал-демократия вела в думе самую трусливую и позорно-угодническую политику, ставя всегда во главу угла непосредственные экономические и социальные интересы помещичьего и крупно-капиталистического класса. Стремление к национальным реализациям служило только прикрытием и оправданием этой политики, которое должно было примирить с нею широкие массы мелкого мещанства. После 1905 года национал-демократия постепенно в полном смысле этого слова политически перевоспитала польские имущие классы, освободила их, очистила от остатков отжившего свой век национального романтизма, выковала из польской буржуазной массы современную, сознательную буржуазию, отбросившую всякие иллюзии прошлого и научившуюся расправляться „современными методами" с партией революции, с пролетариатом. Политическим лозунгом этой модернизованной буржуазии и ее основной боевой партии н.-д. стал лозунг автономии, которую польская буржуазия представляла себе как добровольный дележ власти между царским правительством и польской буржуазией, дележ власти, который дал бы возможность партии контр-революции осуществлять свою диктатуру над народными массами. Вот в основных чертах охарактеризованная национальная программа и политика руководящей партии польских помещиков и капиталистической буржуазии.

Другую, гораздо менее влиятельную группу польского общества представляли мелко-буржуазные элементы и партии. Среди этих групп радикальный, фразеологический, туманный патриотизм еще оставался живым. Среди этих групп, не умевших и не желавших осознать подлинных тенденций развития польского буржуазного общества, в особенности

в русской части Польши оставались живы воспоминания старины. Лозунгом этих разнородных групп, появлявшихся в разные периоды времени в течение последнего 25-тилетия до мировой войны и приобретавших различный удельный вес как среди пролетариата, так и в особенности среди интеллигенции и вообще городской мелкой буржуазии, лозунгом этих групп стала независимость, хотя большинство из них и не представляло себе точно, каким путем можно бы эту независимость осуществить.

Основных источников политической идеологии городской мелкой буржуазии Польши следует искать в ее экономическом положении. Мелкая буржуазия во всех современных обществах является классом экономически и социально обреченным, постепенно разоряющимся, занимающим промежуточное, непрочное положение между капиталистическими классами и пролетариатом. Но в отличие от пролетариата мелкая буржуазия по всей своей социальной природе не умеет стать на почву цельного мировоззрения, которое связывало бы ея надежды пусть бы и с отдаленным, но определенным будущим. Как и всякая другая мелкая буржуазия, так и польская склонна искать источников своего бедственного положения по линии наименьшего сопротивления и ждать своего спасения от фантастических средств политического и социального знахарства. В Польше мелкая буржуазия и интеллигенция чувствует себя тем более обездоленными, что они лишены собственного национального бюрократического аппарата, который питает во всех современных европейских странах значительные слои средних классов. Ни для одного класса современного буржуазного общества государственный аппарат не является в такой степени самоцелью, как именно для того класса, для которого обслуживание государственной машины стало одним из главных средств к жизни. Но так как в австрийской части Польши, в Галиции, в национальном отношении полякам дышалось свободнее, чем в других частях Польши, и так как в одной лишь Галиции полякам был предоставлен почти весь бюрократический аппарат, то совершенно естественно, что среди мелкобуржуазных классов польского общества должны были развиться австрийские симпатии, несмотря на то, что в экономическом отношении Галиция представляла собою самую отсталую польскую область и несмотря на то, что иностранная политика Австрии диктовалась из Берлина.

Когда, после разгрома революции 1905 года, национальные надежды, которые широкие мещанские слои связывали с революцией, оказались неоправданными, и национальный гнет оказался восстановленным в прежней силе, даже и часть

национал-демократов откололась от партии и стала проводником австрофильских симпатий, сочетаемых с туманно-радикально-патриотическою и псевдо-демократическою фразеологией.

Эта мелкобуржуазная часть партии польских имущих классов увлекла за собою и часть польского крестьянства, самую зажиточную его часть, которая по своему культурному уровню острее других ощущала национальный гнет.

ПАРТИЯ СОЦИАЛ ПРЕДАТЕЛЕЙ.

Но на протяжении почти целых двух десятилетий самой упорной и по-своему последовательной защитницей радикально-патриотических лозунгов была и осталась до сих пор партия мелкобуржуазных социалистов Польская Социалистическая Партия (П. П. С.). Эта партия пользовалась значительным влиянием в рядах польского рабочего класса в 90-х годах и в революционных событиях 1905 и 1906 г.г. играла рядом с социалдемократией Царства Польского и Литвы руководящую роль. Пока вопрос о политическом освобождении польского пролетариата не стоял конкретно, пока рабочее движение в Польше еще не приняло форму подлинного революционного массового движения, непосредственно борющегося за осуществление минимальной программы социализма в области демократизации государства в пределах капиталистического режима, до тех пор польские рабочие могли еще в значительной степени чисто теоретически отождествлять свою борьбу за общие демократические начала с представлением о необходимости борьбы за национально-государственное обособление. Но лишь только в России началось настоящее массовое рабочее движение, это должно было измениться. В особенности революция 1905 года обозначила собою в этом отношении определенный перелом, определенную грань. С первых же дней революции в самых широких массах польских пролетариев созревает сознание неразрывной общности интересов польских и русских народных масс в борьбе с самодержавием. Польские рабочие в годы революции приходят окончательно к сознанию, что в современную историческую эпоху только осуществление социализма способно принести пролетариату полное национальное освобождение. Наконец опыт революции 1905 г. показал массам, что, несмотря на то, что революция эта всколыхнула до глубочайших низов все народы России, она все же не вызвала ни со стороны польской буржуазии, ни со стороны польского крестьянства революционно-сепаратистских тенденций к от-

делению Польши от России и к образованию революционным путем самостоятельного Польского государства. И, конечно, пролетариат не мог стать носителем идеи борьбы за самостоятельное буржуазное государство без участия в этой борьбе буржуазии и даже против ее воли. Революция 1905 г. и привела к возобладанию в П. П. С. ее левого марксистского крыла, к расколу этой партии и к постепенному сближению ее марксистской части (т. н. П. П. С. Левица) с социал-демократией Царства Польского и Литвы (П. С. Д.), партией, которая с самого начала своего существования вела решительную борьбу с националистскими пережитками в рабочем движении, отвергала идею борьбы за независимость Польши в буржуазную эпоху и лозунгу независимости противопоставляла лозунг автономии Польши в демократизированной России. Борьба с военным национализмом в период мировой войны и представшие перед пролетариатом в условиях переходной эпохи от капитализма к социализму новые революционные задачи устранили последние препятствия к объединению обоих марксистских крыльев польского рабочего движения: в 1919 году произошло слияние П. С. Д. и П. П. С. Левицы в одну общую Коммунистическую Рабочую Партию Польши.

Мировая война могла обнаружить только то, что уже таилось в недрах польского общества, те тенденции, которые уже раньше определились у основных его классов. Мы видим, как с первых дней войны польские имущие классы в Германии сводят к неизбежному для этих классов минимуму проявления своей лояльности по отношению к Германии, тогда как имущие классы в русской Польше открыто и с воодушевлением стали на сторону воюющего царизма. Что касается Галиции, то и там, после весьма кратких колебаний национал-демократическая русофильская партия определенно переходит в лагерь царистской России и союзной с нею Антанты. Австрийские русофилы с Станиславом Грабским (еще недавно бывшим председателем комиссии Сейма по иностранным делам), во главе в первые дни войны еще подписывают сообща с другими партиями торжественные прокламации, в которых галицийские политические деятели всех оттенков расписываются под выражениями воодушевленной солидарности с австрийскими военными целями. Но уже вскоре после этой демонстрации галицийские друзья царистской России начинают открыто саботировать работу по образованию польских легионов, которые должны были войти в состав австрийской армии и вести вооруженную войну против России. После взятия Львова дело доходит до открытой измены, когда проф. Грабский отправляет обстоятельный

донос ставшему во главе русских оккупационных властей в Галиции графу Бобринскому, донос, в котором подробно характеризуются все галицийские партии и их главари и выдвигается требование созыва общепольского конгресса для объявления солидарности всех польских партий с царской Россией. В русской Польше с первых же дней войны все руководящие буржуазные партии, реалисты, национал-демократы вплоть до польских прогрессистов, становятся на почву пресловутого воззвания Николая Николаевича, в котором в нарочито туманных двусмысленных и обманных выражениях обещано было полякам воссоединение всех областей польского народа под скипетром русского царя. И несмотря на то, что это воззвание было заведомым, наглым обманом, что оно сознательно говорило языком шифи, воспроизводя старинные формулы польской патриотической терминологии, для того, чтобы тем легче избегнуть ясной, сухой, конституционной прозы, несмотря на то, что впоследствии воззвание осталось простым клочком бумаги, что все бюрократические попытки претворить его хотя бы частично в жизнь, попытки, повторявшиеся до самого момента взрыва февральской революции, не привели ни к чему, несмотря на то, что было совершенно очевидным, в особенности с половины 1915 г., что, как официальные правительственные круги, так и буржуазные русские империалисты октябристско-кадетского толка задаются совершенно другими целями, чем отвоевание всех польских областей, а именно ставят пред собою в качестве «основной национальной военной цели» (по выражению Милюкова) закрепление за Россией Константинополя и проливов,—несмотря на все это, основное ядро польского помещичье-капиталистического класса осталось верно русской ориентации до конца, оставалось верным уже после того, как австрийцы и немцы приступили к образованию будто бы самостоятельного Польского государства

Тут действовал, конечно, и более глубокий исторический фактор, действовало традиционное сознание неизбежности экономической связи между польским и русским капитализмом, сознание того, что современная милитаристская Германия неспособна к решению польской проблемы в сколько-нибудь либеральном духе. Вот основная причина, почему никакие военные перипетии, никакие неуспехи антантовского оружия, никакие предательства царской бюрократии не смогли, вплоть до самой февральской революции, сдвинуть основной массы польской буржуазии с ее старой точки зрения в польском вопросе. До февраля месяца 1917 года руководящие политики национал-демократии удовлетворялись программой автономии, которая только в редких случаях получала окраску федерации с Россией.

Точно так же не принесло никаких сюрпризов и поведение радикально-патриотических мелко-буржуазных групп, и в особенности все галицийские партии, за исключением н.-д., до конца войны оставались верны австро-фильской ориентации при всех колебаниях в отдельные моменты и акробатических подвигах, каких стоило им эта верность Австрии, попавшей за время войны в настоящую кабальную зависимость от своего могущественного союзника Германии. В самом начале войны под непосредственным натиском австрийского генерального штаба образовался так называемый Верховный Национальный Комитет, который взял в свои руки пропаганду австро-фильской ориентации во всех частях Польши и организацию легионов, которые должны были стать наследниками повстанцев 31 и 63 годов и положить начало восстанию в русской Польше. Из этого национального к-та уже спустя десять дней, как я уж сказал выше, ушли национал-демократы, и в результате руководящая роль в к-те осталась за противоестественным союзом придворных консерваторов, аграриев-клерикалов и галицийских социалистов. В этот-то момент имя Пилсудского, который до того момента был известен только в кругах политического подполья и радикально-патриотической молодежи, стало известным более широким кругам. Уже почти за целый десяток лет до начала мировой войны этот псевдо-социалист, фактически же мелкобуржуазный радикально-патриотический Донкихот, глубоко разочарованный в революции 1905 и 1906 гг., революции, которая не принесла осуществления его мечтам, которая показала, что польский рабочий класс не годится для роли орудия, долженствующего заменить прогнившую буржуазию в борьбе за национальную независимость,— ушел далеко от пролетариата, сблизился с интеллигентской молодежью, с всякими промежуточными мелко-буржуазными элементами и взялся за организацию под покровительством австрийских военных сфер небольших боевых дружин, которые должны были стать ядром польской армии на случай войны Центрально-Европейских держав с Россией. В начале войны эти дружины на самом деле послужили первыми кадрами польских легионов, и Пилсудский в качестве их главного вдохновителя и организатора поставлен был во главе этой миниатюрной польской армии.

После всего вышесказанного для вас, конечно, должно быть ясно, что вся эта политика, основанная на попытке реализации традиционных польских национальных идеалов в тесном союзе с австрийскими и германскими империалистами не могла принести утопистским вдохновителям этой политики ничего кроме самых горестных разочарований. Я уже имел

честь объяснить вам, что для Германии стремление к объединению польских земель и образованию из них самостоятельного государства явилось бы самоубийственною политикою. Этот факт не ускользал даже от сознания таких ограниченных романтических политиков, как Пилсудский и его друзья, и поэтому все свои надежды эти люди связали с Австрией, но и это было не меньшей утопией, чем надежда на Германию. Уже в первые месяцы войны стало ясным для всякого ребенка, что Австрия по сравнению с Германией является ничтожной политической и военной величиной. В процессе войны Австрия, которую только блистательные подвиги германского оружия спасали от полного и позорного военного разгрома, стала самым верноподданным вассалом своего могущественного союзника, вассалом, которому приходилось в самом буквальном смысле слова не только на полях сражений, но и внутренней и внешней своей политикой действовать под диктовку германского генерального штаба и германских политиков. Между тем Германия ни в коем случае не могла согласиться на то, чтобы вся Польша, или даже какая бы то ни было значительная ее часть была предоставлена Габсбургской монархии: такое чрезмерное увеличение Австрии неизбежно нарушило бы внутреннее равновесие двойственного союза; соединение русской Польши с Галицией в одно целое под скипетром Габсбургов означало бы колоссальное усиление не только польского элемента, который рядом с немецким и мадьярским стал бы самым сильным элементом Австро-Венгерской монархии, но и всего вообще славянского элемента, обрекло бы таким образом австрийских немцев, являвшихся главным связующим звеном между Австрией и Германией на слабость внутри государства и тем самым минировало бы самые основы Австро-Германского Союза. И наконец внутри самой Австрии ни австрийские немцы, ни мадьяры не согласились бы на то, чтобы рядом с ними вырос новый национальный фактор равной с ними силы, который неизбежно взорвал бы все внутреннее строение двуединой монархии, покоившееся на дележе власти между австро-немецкой и мадьярской буржуазией.

Отсюда ясно, что вся политика Пилсудского и его друзей была детской игрой, которая не могла принести этим людям ничего, кроме ударов и разочарований. Период самых горьких разочарований начался с момента взятия Варшавы. Несмотря на то, что австро-германское командование требовало от поляков сверх ординарных жертв двойной дани крови, организаций добровольческих легионов, несмотря на это ничто не могло побудить ни берлинских, ни венских политиков дать какие бы то ни было конкретные обещания

ляках. Только спустя более года после взятия Варшавы в ноябре 1916 года была провозглашена от имени Габсбурга и Гогенцоллерна бутафорская независимость Польши, притом только в границах бывшего Царства Польского. Объединение польских областей не только не состоялось, но фактически под видом воскрешения польского государства совершен был новый раздел Польши в форме раздела русской Польши на две зоны германской и австрийской администрации. Образование суверенных польских властей было отложено на неопределенное время, фактически же воцарился в стране режим самой беззастенчивой, циничной и грабительской военной оккупации; свирепый и кровавый режим солдатского сапога, который притеснял все классы общества, но, конечно, особенно тяжело обрушился на народные массы, на крестьян и рабочих. Крестьян откровенно грабили, рабочих же ловили, как диких зверей, и отправляли на принудительные работы в глубь Германии. Польская промышленность систематически и нарочито разрушалась. Все польское практически подвергалось гонению и преследованию. Несмотря на все это, берлинские политики лелеяли надежду, что в благодарность за одну фикцию независимости поляки создадут крупную национальную армию, которая позволит восполнить редеющие ряды австро-венгерской армии. Эта попытка цинично использовать Польшу, как новый резервуар пушечного мяса и послужила одним из главных побудительных мотивов ноябрьского эксперимента. Но надежды немцев и поддерживавших их немногочисленных польских авантюристов на то, что в истязаемой стране удастся путем обмана сколотить «национальную армию» оказались, конечно, писаными на воде. Произвести принудительную мобилизацию они не рискнули, так как таковая привела бы явно к настоящему народному восстанию, войска же, стоявшие глубоко в России, должны были иметь обеспеченный тыл. Вот почему последняя донкихотская попытка Пилсудского создать из добровольцев армию для немцев—ибо и от этой попытки не отказался этот жалкий авантюрист—не только неизбежно должна была кончиться скандальным провалом, но и самого Пилсудского потерявшего наконец терпение и попытавшегося орудовать против немцев, привела в результате за решетку Магдебургской тюрьмы. В настоящий момент даже некоторые бывшие руссофилы в своих поисках за национальным героем, имя которого могло бы на бонапартистский манер спаять все буржуазные классы общества в один антипролетарский блок, склонны амнистировать старые грехи Пилсудского и начинать историю этого человека с момента его пребывания в немецкой тюрьме, но пролета-

риат имеет лучшую память, чем другие классы общества, и имя Пилсудского для него неразрывно связано со всей политикой империалистской Австрии и Германии по отношению к Польше в период мировой войны. Цикл разочарований мелкобуржуазных политиков был завершен в Брест-Литовске, когда Польша оказалась определенно преданной и проданной не только Германии, но и протежировавшей Польшу Австрии. В настоящий момент, когда уже опубликованы записки о войне многих руководящих военачальников и дипломатов бывшей Австрийской и Германской Империи (я имею в частности в виду записки Людендорфа и австрийского министра Иностранных дел Черинна), для нас стало вполне ясным, что к концу 1917 и началу 1918 гг. руководящие люди империалистской Австрии и Германии вполне отдавали себе отчет в том, что силы обеих этих держав исчерпаны дотла и что единственная их надежда на возможность нанесения поражения союзным войскам на Западе базировалась на заключении скорого мира с Россией. И когда, несмотря на военную слабость революционной России в период брест-литовских переговоров, это оказалось не таким легким делом, и когда украинские авантюристы, играющие теперь роль лакеев и сподвижников воинственного польского бонапартизма, оказались готовыми запродать Украину Германии за цену признания ее фиктивной независимости, австрийцы и немцы ухватились за это, как за желанный исход и ради заключения сделки с украинцами отдали им Холмщину, завершив таким образом свою карьеру по части „освобождения" Польши новым ее насильственным разделом. Из мемуаров Черинна мы узнаем, что Австрия в момент, когда ее положение стало окончательно отчаянным, считая, что единственным исходом из войны явилось бы замирение Франции отдачей ей Эльзаса и Лотарингии, готова была для того, чтобы на этот случай утереть слезы Германии, отдать ей на съедение всю Польшу.

ОБРАЗОВАНИЕ ПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА.

Мы видим таким образом, что образование нового польского государства явилось результатом чего угодно, но только не результатом революционной борьбы, не сознательной и последовательной политики какого бы то ни было политического лагеря внутри буржуазной Польши. Польское государство на деле явилось плодом двух исторических актов: прежде всего русской революции, пришедшей к разгрому царизма, а впоследствии к разгрому и империалистской и

русской буржуазии; вторым фактом, давшим жизнь современной польской республике, стал военный разгром среднеевропейских держав и последовавшая непосредственно после этого разгрома в обеих этих странах революция. Непосредственным результатом постигшей Австро-Венгрию и Германию катастрофы явилось то, что оккупированная немцами бывшая русская Польша и Галиция оказались внезапно в буквальном смысле этого слова без хозяина, оказались в положении, когда занять территории этих областей и объявить себя полноправною государственною властью могла всякая сколько-нибудь организованная гражданская и военная сила. После вспыхнувшей в обеих разгромленных странах революции польские народные массы чисто инстинктивно устремились к тому, чтобы окончательно упразднить последние следы ставшей им бесконечно ненавистной оккупации. Я должен сказать, что и в Галиции австрийский режим в процессе войны быстро превратился в режим самой беззастенчивой, тупой и грубой военной оккупации, упразднившей все гражданские свободы и действовавшей путем террора, всяческих насилий и виселиц. Кучки легионеров то тут, то там при помощи людей из народа, в том числе и из крестьян и пролетариата, стали разоружать растерявшиеся и беспорядочно бродившие германские и австрийские военные отряды и организовать на местах и в центре некоторую видимость власти. Но в чью же пользу и за чей политический счет организовалась эта первоначальная власть? На этот вопрос легко дать ответ, если принять во внимание то общее положение, в котором очутилась страна. А страна с разгромом оккупантов фактически оказалась чем-то в роде res nullius, res derelicta, вещи ничьей, вещи покинутой, которая должна была стать достоянием того социального фактора, в распоряжении которого находилась сколько-нибудь сорганизованная вооруженная сила и организационные кадры. Таким фактором не являлся пролетариат, который в результате полного расстройства и паралича промышленности оказался рассеянным не только по всей стране, но и по колоссальным пространствам и который в условиях тиранической военной оккупации, конечно, не имел возможности сорганизоваться в серьезную внушительную силу. Пролетарские массы Польши, в момент, когда в стране было сравнительно легко захватить власть, были бесконечно истощены царившим почти четыре года голодом. Безработица в Польше дошла до невиданных нигде размеров. Целые громадные промышленные города, в том числе колоссальный текстильный центр Лодзь, превратились в хозяйственном отношении в мертвую пустыню, откуда голодные и оборванные рабочие

массы бежали, куда могли, рассеиваясь по деревням, уходя в Россию и с резигнацией принимая ярмо подневольной работы, крепостничества в германских шахтах и германских деревнях. Нельзя удивляться, что при таких условиях несмотря на полное поражение Австрии и Германии, несмотря на взрыв революции в обоих этих странах, польским рабочим не удалось выступить в первые моменты в качестве не только решающей, но и вообще самостоятельной и внушительной силы.

На другом полюсе польской общественности самую крупную силу до войны, как я уже указывал, представляли из себя национал-демократы, имевшие в своем распоряжении великолепно сорганизованные партийные кадры и опиравшиеся на широчайшие слои буржуазии, а отчасти и крестьянства; но уже в силу того, что эта партия в процессе войны полностью солидаризовалась с русским и антантовским империализмом, она, конечно, должна была также сильно пострадать от режима австро-германской оккупации, она не могла пользоваться той сравнительной свободой пропаганды и организации, какою пользовались многочисленные группки „активистов", пользовавшихся поддержкой оккупационных властей; даже и все видные вожди национал-демократов пребывали до этого момента не в Польше, а либо в Париже и Лондоне под крылышком антантовских правительств, либо в Петрограде и Москве. Таким образом и самая сильная партия польской капиталистической буржуазии была застигнута событиями врасплох, она оказалась без всякой сорганизованной вооруженной силы, без вождей и не была в состоянии в первый момент взять на себя задачу организации буржуазного государства. Только впоследствии в Польшу стали стекаться со всех сторон старые заправилы партии и, что важнее, первые вооруженные кадры польской контр-революции в виде корпуса пресловутого царского генерала Довбора-Мусницкого и корпуса американско-французских легионеров, возглавляемого австрийским воякой Галлером.

Таким образом в первый момент сколько-нибудь сорганизованной силой в Польше явились группы в социальном смысле самые слабые, не имевшие своих корней ни в одном из основных классов общества, но зато сохранившие свои организационные кадры и имевшие в своем распоряжении некоторую вооруженную силу, благодаря той частичной поддержке, которую они получали со стороны оккупационных властей. Эти группы с Польскою Социалистической Партией во главе и образовали сперва два, в Люблине и Варшаве, зачаточных польских правительства, вскоре после этого объеди-

вившихся в одно центральное правительство. Этой импровизации способствовал и тот общий факт, который характерен для всякой первоначальной революционной конъюнктуры, когда буржуазия еще не смеет выступить под открытым забралом, а пролетариат еще чувствует себя растерянным и еще не сознает полностью своих революционных целей. Такая конъюнктура всегда благоприятствует промежуточным комбинациям. Правда в Польше настоящая революция не произошла, но на общую обстановку влияла австрийская и германская революция. Во главе государственной машины оказалась польская социалистическая партия с ее вождями Пилсудским, Дашинским, Морачевским, Василевским и другими. С нею в союзе оказались мало влиятельные круги радикальных мелко-буржуазных патриотов, чисто интеллигентские, и маленькая часть крестьянства, радикально настроенная и ощущающая некоторую тягу к городскому пролетариату. Со свойственной заправилам Польской Социалистической Партии склонностью к грубой демогогии и всяким театрально-маскарадным жестам, эти люди рискнули даже присвоить по русскому прообразу новому правительству название „Рабоче-Крестьянского Правительства". На самом деле это правительство не было ни крестьянским, потому что оно имело только весьма слабые корни в крестьянской массе, ни рабочим: все время войны польская рабочая масса пребывала в состоянии самого острого антагонизма, непримиримой вражды по отношению к тем, кто волею или неволею служил целям австро-германского империализма, принесшего тысячу бед польским народным массам.

Энергия первого польского правительства по неизбежности направилась не в сторону внутреннего строительства, а на дальнейшее завоевание, на расширение, закрепление границ нового государства, и уже этот один факт должен был подорвать слабые корни этого правительства. В центре Европы началось, что-то в роде войны всех против всех. Все те мелкие народы, на которые распалась старая габсбургская держава, кинулись рвать между собою на куски наследство этой еще недавно столь могущественной империи, стали вести войну друг с другом из-за отдельных областей, отрезков и городов. Постепенно разгорелась между польскими вооруженными силами, образовавшимися из остатков легионов и примкнувших к ним польских солдат из австрийской и германской армии, ожесточенная, кровопролитнейшая борьба с украинцами за обладание восточной Галиции и в частности ее столицей Львовом, начались стычки и столкновения в Верхней Силезии с немцами и в Тешенской Силезии с чехами. Борьба за восточную Галицию и Львов закончилась победою польского

оружия. Но вооруженная борьба и здесь и в других местах продолжалась до тех пор, пока, наконец, победоносные антантовские страны, явившиеся фактическими хозяевами Европы, не заставили борющиеся национальные группы сложить оружие и не взяли на себя дележа австро-немецкого наследства. Этот процесс дележа до сих пор не закончен; согласно условиям Версальского мира вопрос о государственной принадлежности основных спорных областей, как-то бывших германских областей Верхней Силезии, некоторых частей Западной и восточной Пруссии и бывшей австрийской области Тешенской Силезии, вопрос этот будет решаться в порядке всенародного голосования, плебисцита, под контролем и непосредственным руководством гражданских и военных властей союзников. Вопрос о Восточной Галиции остается неразрешенным до сих пор, но фактически союзники предоставили Польше мандат на управление Восточной Галиции на 25 лет, а впоследствии отменили и этот ограничительный срок, оставляя за Верховным Советом возможность окончательно определить положение Восточной Галиции в будущем. Но уже тот самый факт, что последним судьей в вопросе о границах нарождающегося государства должны были стать союзники, окруженные ореолом неслыханной победы, одержанной над могущественнейшим милитаристским государством мира, уже этот факт не мог не подточить корней первого, будто-бы «рабоче-крестьянского» правительства. Как ни мало рабочим и революционным было это правительство, оно все же являлось по своему составу слишком демократическим для того, чтобы союзные империалистские правительства захотели оказать ему безоговорочную поддержку. К тому же в главных центрах союзных стран продолжали пребывать некоторые вожди национал-демократов, сорганизовавшие еще до образования польского государства так называемый Польский Национальный Комитет, признанный антантовским правительством оффициальным дипломатическим представительством Польши.

Антантовские правительства чувствовали себе, конечно, ближе людей типа Дмовского и Грабского, представителей консервативных слоев общества и заведомых людей Антанты, нежели авантюристски настроенных социалистов, еще накануне верно служивших Австрии и Германии. Через посредство своих антантовских друзей вожди национал-демократов имели, конечно, полную возможность производить сильный нажим на случайное варшавское правительство, и так как это правительство в борьбе с украинцами, немцами, чехами могло искать поддержки только у того же английского и французского кабинета, то, ясное дело, это преобладание иностран-

ной политики над внутренней и воинственный ее характер обрекали окончательно мнимо рабоче-крестьянское правительство на полное бессилие. Кратковременный опыт хозяйничанья у правительственного руля Дашинских и Морачевских еще раз подтвердил ту общую истину, что если власть какому бы то ни было классу, какой бы то ни было партии достается дешево, то она дешево и стоит, удержать ее трудно, и прочной она быть не может. Все же, если бы у руля власти в Польше, в силу благоприятного стечения обстоятельств, без настоящей пролетарской революции очутились партии и группы подлинно пролетарские, то они бы сделали все возможное, чтобы своими действиями укрепить свою власть, связать себя с народными массами, с пролетариатом. Но правительство Дашинского и Морачевского в том и проявило свой мелко-буржуазный трусливо-филистерский, не революционный характер, что оно не пошло ни на какие решительные шаги, которые могли бы создать отсутствовавшую связь с широкими массами рабочих и крестьян. Смешно читать в настоящий момент, когда писатели Польской Социалистической Партии в своих органах слезно жалуются на то, что в свое время буржуазия не поддержала первого „рабоче-крестьянского" правительства, что она сознательно отказала ему в финансовых средствах, нужных для ведения войны, что она бастовала и саботировала, не хотела покупать займа, платить податей и т. под. Смешно читать подобные жалобы, исходящие из-под пера людей, называющих себя революционерами и социалистами. Надо было не ждать, пока буржуазия добровольно и благодушно даст деньги, а надо было уметь их взять, надо было не ограничиться пустыми декларациями, в которых крестьянам земля отдавалась на бумаге, а надо было уметь эту землю крестьянам на деле отдать или научить их самим ее брать. Вот почему не удивительно, что последний удар это маскарадное правительство нанесло само себе. Оно погибло самым бесславным образом, совершив над собой харакири, оно покончило самоубийством, по крайней мере, в лице его фактического вдохновителя и вождя Пилсудского: после неудавшегося покушения на этого социалистического Дон-Кихота он добровольно сдал власть, даже не сговорившись предварительно с собственной партией, воспользовавшись тем, что классические, непримиримые враги польского рабочего класса национал-демократы успели за первые месяцы беспомощного хозяйничанья „рабоче-крестьянского" правительства очухаться, приехать, сорганизоваться, выдвинуть для уловления широких мелко-буржуазных кругов будто бы непартийного, фактически же целиком преданного национал-демократической реакции, агента антантовских правительств и, в частности Фран-

ции, известного пианиста Падеревского. Пилсудский воспользовался всеми этими результатами бессилья, беспомощности, бездеятельности, трусости своей собственной партии и собственного правительства, чтобы после закулисных, тайных переговоров с Падеревским передать власть новому, чисто буржуазному правительству. В результате этой измены получилось единственное в своем роде, явно рассчитанное на обман широких масс, курьезное и смехотворное положение, при котором с одной стороны у власти очутилось во главе с Падеревским чисто буржуазное правительство, фактически явившееся только игрушкой в руках более властных, оставшихся за кулисами людей, настоящих вождей национал-демократов и, прежде всего, остававшегося в Париже Дмовского. С другой же стороны во главе государства остался по милости новых хозяев положения в роли не то президента республики, не то начальника военных сил, Пилсудский, присвоивший себе с мегаломанской кощунственностью титул „начальника", который когда-то носил Костюшко. Польской контр-революции пришлось еще временно пойти на эту уступку, согласиться на этот мнимый дележ власти, так как в виду революционности всего мирового положения она еще не смела выступить с открытым забралом и присвоить себе явно и формально всю полноту власти. Но по существу этот маскарад не мешал тому, что фактически почти вся реальная власть надолго оказалась в руках реакционных элементов, поддерживаемых в той или иной мере сознательно или несознательно политически неразвитым, консервативно настроенным польским крестьянством, его нерешительными или просто коррумпированными официальными вождями. С тех пор мы имеем в Польше чисто буржуазное правительство. Характеризовать его подробно мне не придется. Это будет делом других товарищей, которые ознакомят вас подробнее с иностранной политикой современной буржуазной Польши. Я только скажу, что подлинная физиономия этих печальных героев, облегчивших худшей, хотя еще до поры до времени трусливой реакции приход к власти, обнаружилась полно и ярко в последнее время, как физиономия чисто контр-революционная. Именно эти люди втравили истерзанную, истощенную, голодающую, несчастную страну в новую, чисто-завоевательную войну против Советской России. Пока дело касалось только западных границ Польской республики, до тех пор спор шел между буржуазией одной страны и буржуазией других стран. Но на Востоке вопрос уже потерял характер спора о границе между имущими классами двух стран: война, которую ведет Польша Пилсудского и Скульского в союзе с странами, являющимися главной цитаделью мировой контр-революции, это война с русским пролетариа-

том и крестьянством, война с социалистической страной, которая, осилив с величайшим трудом и ценой величайшего истощения свою национальную контр-революцию, приступила наконец к мирному строительству и готова была хотя бы ценой колоссальных уступок купить мир со своим польским соседом. Но если польские имущие классы и польские военные авантюристы пытаются в настоящий момент сделать русский пролетариат и русское крестьянство ответственными за исторические преступления русского царизма, то польские народные массы, польский рабочий класс и польские крестьяне могут быть уверенными, что русский пролетариат, сколь победоносным бы ни оказалось его испытанное оружие, не сделает их ответственными за более свежие, но не менее преступные действия польских имущих классов, польских военных фантазеров и авантюристов, сделавшихся лакеями худших врагов пролетарской революции.

Цена 5 руб.

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена

Государственное Издательство.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
Москва.—1920.

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Polskie politicheskie partii i
943.803 F569P
D90433800R